

ГВАТТАРИ В РОССИИ

Рецензия на книгу: Дьяков А.В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск: Изд-во Курск, гос. ун-та, 2006. - 246 с.

Феликс Гваттари принадлежит к числу мыслителей, о которых в нашей стране многие слышали, но не имеют сколько-нибудь чёткого представления об их философских концепциях и месте в историко-философском процессе. Гваттари знают как соавтора знаменитого философа Жюль Делеза, и фигура самого Гваттари неизменно оказывается в тени его знаменитого коллеги. Между тем, очень часто упускают из вида два важных обстоятельства: 1) в творческом тандеме Делез-Гваттари второй значим ничуть не меньше первого; 2) Гваттари - самостоятельный мыслитель, автор многих философских концепций, весьма значимых для современного этапа развития философии. Именно ему мы обязаны такими интереснейшими конструкциями, как «шизоанализ» или «шизоаналитические картографии», «машины желания» и др. А его концепция трансверсальности, позволяющая получать «поперечные» срезы истории мысли, является очень важным развитием эпистемологии вообще.

Книга А.В. Дьякова является первым в России монографическим исследованием творчества Гваттари и, не претендуя на всеохватность, реконструирует основные этапы творчества французского мыслителя и анализирует его основные концепты. Автор основывается на семинарах, которые Гваттари в течение многих лет проводил в своей парижской квартире и в клинике «La Borde», что придаёт книге особенную живость и обеспечивает литературный эффект присутствия. Монография отчасти восполняет отсутствие русскоязычных переводов Гваттари, позволяя соприкоснуться с живой речью этого интереснейшего мыслителя.

«Шизоанализ» - концептуальная, а точнее, а-концептуальная, система, которая, по замыслу Гваттари, должна не вытеснить созвучный с ней по названию психоанализ, но существовать параллельно с ним и независимо от него. А-концептуальность шизоанализа заключается в том, что он стремится не переделать пациента на свой лад и загнать его в прокрустово ложе собственной конструкции, но сохранить во всей индивидуальности и применительно к каждому конкретному случаю выработать собственный процедурный подход. Логика Гваттари довольно прозрачна: психоанализ во всём видит лишь самого себя. Как выразился У. Эко, психоанализ может установить лишь то, что Эдип страдает Эдиповым комплексом. Шизоанализ стремится сохранить сингулярность каждого человека и понять его не в рамках искусственной конструкции, но как такового.

Шизоанализ не сводится к психиатрической или психоаналитической психиатрии, хотя Гваттари приложил много сил к формированию т.н. «институализованной психиатрии». А.В. Дьяков рассматривает по преимуществу философское значение концептов французского мыслителя. При этом, впрочем, не исчезает и Гваттари-психиатр.

Психиатрия в Западной Европе за последние два столетия вплотную подошла к философии, в то время как философия шла навстречу к психиатрии. Уже Декарт нуждался в образе безумия, чтобы противопоставить ему свой рационализм. Эпоха романтизма узрела в самой себе иррацио-

нальность безумия. Кант и Шеллинг не раз обращались к проблематике психического расстройства, полагая, что обращение к безумию позволит философии яснее разглядеть, как выразился Э.Т.А. Гофман, «страшные тайны» бытия. Феноменологи и экзистенциалисты произвели своего рода «слияние» философии и психиатрии, результатом чего стали «экзистенциальная психиатрия» и «Dasein-анализ». После работ Лакана, безумие вообще перестали отделять от «нормального» состояния человека. Гваттари принадлежит именно к этой пост-лаканистской традиции и, порицая Лакана (за что - можно узнать из книги А.В. Дьякова), предлагает собственное осмысление проблемы безумия, не помещая «сумасшедших» в очередное гетто и не располагая их на предметном стекле микроскопа. Его фигура выглядит из России экзотичной: отечественной науке сегодня всё ещё трудно принять исследователя, который приглашает своих пациентов к диспутам о проблеме безумия. А.В. Дьякову удалось представить портрет такой деятельности, в которой «наука» не дискриминирует «безумие», и наоборот (последнее, кстати, в России встречается нередко).

В рамках краткой рецензии невозможно изложить всё, о чём говорится в монографии. Поэтому ограничимся тем, что выделим два момента в философии Гваттари, которые представляются нам наиболее продуктивными.

«Машины» - выражение, которое благодаря книгам Гваттари прочно вошло в обиход западных философов и деятелей культуры. Машина - это относительно автономная и жизнестойкая комбинация элементов, обуславливающая событийный поток в том или ином фрагменте реальности. При этом сама машин, по сути, является чистой событийностью. Существуют машины политические, экономические, социальные, поэтические, технические и т.п. Концепт «машины» позволяет Гваттари избежать субстантивизма и субъектно-объектной оппозиции.

Трансверсальность - концепт «поперечности» событий, не вписанных в причинно-следственные схемы и прогрессистские концепции истории. Всякое событие (а именно из событий состоит ткань бытия) Гваттари предлагает понять как таковое, не запутываясь в безнадежных попытках отыскать его «историческую закономерность».

Философия Гваттари в целом вписывается в рамки того, что принято называть «неклассической» или «постметафизической» философией. Конечно, эти выражения более или менее условны, и тем не менее они позволяют обозначить некую «мыслительную формацию» современности. Метафизика была проблематизирована внешними реалиями, т.е., в конце концов, тем, что принято называть общественно-историческим развитием. Мир утратил свой центр, а потому и постметафизическая философия отказалась от претензии на всеобъемлющую перспективу. А ведь именно, исходя из этой последней, метафизика различала между сущностью и явлением. Таким образом, отказ от тотального охвата сущего означает и отказ от субъектно-объектной оппозиции. Это значит, что философию уже невозможно сводить к последовательному развитию строгих схем логических категорий и понятийных схем. «Плюралистически открытая ситуация в философии», как выражается Хабермас, требует признания событийности философии и включения в её методологию психоаналитических и структурных методов, семантического анализа, обращения к социально-психологическим автоматизмам, выражающим внеличное содержание общественного сознания, имплицитованного в знаковых системах. Положение Гваттари в этом историко-философском и, шире, историко-культурном процессе и демонстрирует книга А.В. Дьякова.

Эта работа принадлежит к числу тех, что открывают новую перспективу историко-философских исследований. Задача истории философии заключается в том, чтобы поместить изучаемую концепцию или философа в контекст развития философии в целом, вписав того или иного мыслителя не только во время, но и в пространство. Проблема топоса, долгое время оставшаяся где-то на задворках философии, сегодня стала как никогда актуальной, и грозит потеснить набивший оскомину за пять столетий хронос. А.В. Дьякову удалось составить топографию мысли Гваттари или, как выразился бы сам французский мыслитель, её «картографию». Это позволило А.В. Дьякову избежать схематизма, которым, к сожалению, нередко грешат историко-философские исследования. Вместе с тем, он далёк от декларативности, и это делает его книгу удобочитаемой не только для специалистов, но для всех, кто интересуется развитием философской мысли последнего столетия.

Р.8. Книга А.В. Дьякова «Феликс Гваттари. Шизоанализ и производство субъективности» доступна в «Электронной библиотеке по философии (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000917/>) и «Нехудожественной библиотеке» (<http://download.nehudlit.ru/nehudlit/self0019/290107-diakov.rar>).

Колесников А.С., д.ф.н., проф. Санкт-Петербургского государственного университета, член Президиума РФО (С.-Петербург)

* * *